

Е. Б. Васильева**Роль темы «Декабристы и Сибирь», в формировании образа участника движения во второй половине XIX – начале XX вв.**

Тема «Декабристы и Сибирь», – является неотъемлемой частью декабристovedения, ей посвящено множество статей, очерков и монографий¹. И, несмотря на свою сюжетную и идейную обособленность (некоторые исследователи ставят под сомнения возможность включение сибирского периода в общую канву истории движения²), на разных этапах изучения она вносила свои оттенки в образ декабриста, влияя на восприятия истории декабризма в целом.

Настоящая статья посвящена вопросу влияния сибирских сюжетов истории декабризма на формирование образа участника движения во второй половине XIX – начале XX вв.

Российскому читателю, в рассматриваемый нами период, о пребывании декабристов в Сибири становилось известно, прежде всего, из воспоминаний самих участников движения, в которых сибирский период жизни занимал едва ли не центральное место.

Являясь представителями романтической культуры первой четверти XIX в., декабристы выстраивали повествовательную канву своих воспоминаний согласно ее литературным нормам.

Одним из основополагающих структурных компонентов романтической культуры является образ «героя», в обязательные элементы которого, входят стойкое преодоление жизненных трудностей и готовность к самопожертвованию ради друга³. Именно они и реализовывались декабристами на сибирском материале.

Как правило, пассажи о сибирском периоде жизни декабристов содержали следующую сюжетную конструкцию: трудный путь в Сибирь, когда «одна твердость характера спасала их (Соловьева, Модзалевского – *Е.В.*); хладнокровие, терпение, презрение ко всем гонениям рока, бесэгоизм и беззаботливость о будущем были единственными средствами спасения их от уныния»⁴ сменяла радость от встречи с товарищами.

Васильева Елена Борисовна, канд. ист. наук, Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности, г. Омск.

Эл. почта: elena_vasilyeva@bk.ru

¹ Обилие литературы подтверждает библиографический указатель. См.: *Декабристы и Сибирь*. Иркутск, 1985.

² См., например: *Шешин А.Б.* Об изучении и обобщении истории движения декабристов (Критические заметки о советском декабристovedении 1950-х — начала 1990-х гг.) // 14 декабря 1825 г.: источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 239–283; *Коваль С.Ф.* Декабристы и Сибирь (Некоторые новые акценты) // *Декабристы о природе Сибири*: Сб. ст. конф. Иркутск, 2001. С. 7–13; *Он же.* Чем не устраивает историю декабризма некоторых историков? // *Земля Иркутская*. 2002. № 2. С. 82–84.

³ *Суравнёва И.М.* Героизм как социальный феномен: Автореф. дис. ... канд. фило-соф. наук. Тверь, 2006. С. 13.

⁴ *Горбачевский И.И.* Записки. М., 1963. С. 110.

Описания тяжелых условий тюремного быта когда: «гром от кандалов мешал сосредоточиться, а места было так мало, что по необходимости приходилось почти целый день – сидеть»¹. Скучная пища, отсутствие теплой воды для мытья посуды, казематы без окон в Петровском заводе; сложности, связанные с возможностью переписываться с родными, чередовалось с историями об усилиях декабристов по совершенствованию своего образования: кружки по интересам, изучение иностранных языков, отечественной и зарубежной истории, математики, литературы и других наук².

Готовность пожертвовать своим благополучием ради товарища реализовывалась через описание, взаимоотношений друг с другом во время заключения в казематах Читы и Петровского Завода. Воспоминания пестрят рассказами о готовности каждого из декабристов поделиться с товарищем своим имуществом³.

Начиная с 1880-х гг. пребывание декабристов в Сибири становится приоритетной темой в российском декабристоведении, на что имелись следующие причины.

Во-первых, процесс освоения сибирской территории, резко активизировавшийся во второй половине XIX в., повысил к ней интерес со стороны жителей европейской части России. Исключительная же роль, сыгранная ссыльными декабристами в истории Сибири, позволяла европейским жителям ощущать себя по отношению к сибирскому населению культурными «провидцами»⁴.

Во-вторых, во второй половине XIX в. у жителей Сибири происходит осознание своей принадлежности к культурно-историческому пространству Российской империи и, как следствие, желание занять в нем свою нишу. В этой ситуации история пребывания в Сибири декабристов становилась связующей нитью между ними и жителями Европейской России.

В то же время сибиряки вполне осознавали общественно-культурную значимость пребывания декабристов в регионе. Например, их пребывание в Иркутске было включено в перечень исключительных событий губернии⁵. Именно сибиряки и внесли наибольший вклад в разработку данной темы.

Знакомство читателей с пребыванием декабристов в сибирском регионе происходило посредством публикации официальной документации⁶, переписки де-

---

¹ Басаргин Н.В. Записки декабриста // Деятнадцатый век. СПб., 1871. С. 102.

² Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом // Русская старина. 1881. № 6. С. 34; Якушкин И.Д. Записки // Русский архив. 1870. № 8–9. Стлб. 1601.

³ См.: Свистунов П.Н. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах // Русский архив. 1870. № 4. Стлб. 1633–1688; Фролов А.Ф. Воспоминания Александра Филипповича Фролова (по поводу статей Д.И. Завалишина) // Русская старина. 1882. № 5. С. 465–482; № 6. С. 701–714.

⁴ См., например: Матханова Н.П. Сибирские женские мемуары первой половины XIX в. // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 119–133.

⁵ Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. С. 234; Першин А. Воспоминания старожилы. Петровский завод // Забайкалье. 1902. №№ 36–43; Сорок лет тому назад. (Из воспоминаний сибирского учителя) // Сибирский вестник. 1885. 23 мая. С. 11–13; 30 мая. С. 13–14.

⁶ См.: Из жизни декабристов в Сибири. С.Б. Броневского С.Р. Лепарскому // Русская старина. 1899. № 11. С. 325–334; Таубе Н. Характеристика декабристов Кюхель-

кабристов¹, воспоминаний о них современников², научных монографий. В различных по функциям и жанровым принадлежностям публикациях можно выделить три интерпретации образа декабриста.

Первая – нравственный пример для сибирского населения. Так, в своих воспоминаниях М.Д. Францева, дочь сибирского чиновника и воспитанница семьи декабриста М.А. Фонвизина, писала, что в отличие от купцов, спаивавших местных жителей ради наживы, декабристы «...имели громадное нравственное влияние на сибиряков: их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении, и, в месте с тем, возвышенность чувств ставили их выше всех ... Даже осужденные за разные преступления простые каторжники и те, несмотря на свою закоренелость, выказывали им своего рода уважение и предпочтение»³.

В воспоминаниях сибиряка К. Голодникова отмечалось: «В начале 1840-х гг. лучшее общество маленького и невзрачного города Тобольской губернии Ялуторовска составляли государственные и политические преступники, но как те, так и другие, жили особняком от местных чиновников, показывались только у местного протоиерея Знаменского, человека почти святой жизни, у исправника Меньковича, славившегося тогда по всей губернии своим бескорытием»⁴. После отъезда декабристов, по словам автора, «Ялуторовск превратился в настоящую пустыню».

Вторая – декабрист – культурный просветитель Сибири.

В основном он реализовывался через описание педагогической деятельности декабристов⁵. Особое место в повествовании занимало открытие в Ялуторовске ланкастерской, приходской и женской гимназии для беднейших слоев населения, отмечалось, что когда «...число учащихся стало возрастать ... приходилось отказывать просителям, имевших более с другими средств к обучению для детей дома или в училищах ведомства министерства народного просвещения»⁶.

Н.А. Белоголовой, воспитанник декабриста О.В. Поджио в своих воспоминаниях писал, что братья М. и Н. Бестужевы оставили в Селенгинске, месте их ссылки, о себе отличную память «...так как много содействовали поднятию этого небольшого городка, как в умственном, так и в экономическом плане»⁷.

бекера, Торсона и Фаленберга (из ежегодного отчета пастора Бутцке. Выписка их книги евангелистической церкви в Иркутске) // Русская старина. 1904. № 3. С. 577–579.

¹ См., например: *Из переписки декабристов: (Письма Бриггена Оболенскому)* // Русская старина. № 2. С. 437–449.

² *Воспоминания Францевой о Фонвизине* // Русская старина. 1884. № 4. С. 34–67; *Из жизни декабристов в Сибири (Письма С.Б. Броневского С.Р. Лепарскому (1835–1837))* // Русская старина. № 11. С. 325–334.

³ *Воспоминания М.Д. Францевой* // Исторический вестник. 1888. № 5. С. 398–399.

⁴ *Голодников К.* Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане. (Отрывки из воспоминаний) // Исторический вестник. 1888. № 12. С. 753.

⁵ См., например: *Пионеры просвещения в Западной Сибири* // Исторический вестник. 1887. № 1. С. 123–141.

⁶ *Голодников К.* Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане. (Отрывки из воспоминаний) // Исторический вестник. 1888. № 12. С. 757.

⁷ *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 15.

Третья – декабрист – человек, стойко переживавший все жизненные невзгоды, готовый на самопожертвование.

Особую убедительность ей придавали материалы, исходившие из официальных кругов. В качестве примера можно привести характеристику В.К. Кюхельбекера: «...заслуживает изумительная энергия, с какою он приходил на помощь страждущему человечеству, оказывая медицинскую помощь населению Баргузина ..., где не было ни одного врача ... он снискал себе уважение и почтение как самых высокопоставленных, так и самых бедных, словом всех тех, кто знает и кто испытал на себе его доброту»¹.

В 1895 г. вышла монография А.И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в западной Сибири». Примечательным является тот факт, что эта была первая монография, опубликованная на территории Российской империи, в заглавии которой использовался термин декабрист.

В 1880-е гг. Дмитриев-Мамонов занимал высокие должности в сибирской администрации и имел доступ к секретным документам о государственных преступлениях и восстаниях на территории сибирского региона. В связи с чем монография, написанная на основе официальной документации, вызвала особое доверие читательской аудитории и пользовалась у них большой популярностью.

В монографии было представлено 39 биографий участников декабристского движения, в которых Дмитриев-Мамонов описал расселение, административные нормы ссылки, быт и взаимоотношение с официальной властью ссыльных декабристов.

Естественно, что каждая из биографий индивидуальна, однако, если говорить о некоторых общих чертах, то декабрист в описании Дмитриева-Мамонова это, высоконравственный человек, высоко ценивший дружбу и заботящийся о благе сибирского населения.

Важной особенностью образа «сибирского» декабриста стал приоритет нравственных качеств участников движения над их политическими убеждениями. В сибирских публикациях неоднократно отмечалось, что декабристы предпочитали не говорить о событиях 1825 г.

В 1884 г. в журнале «Русский архив» были опубликованы воспоминания А.Ф. Львова, который по правительственному поручению в середине 1840-х гг. путешествовал по Сибири, где встречался с ссыльными участниками движения.

Описывая свое первое свидание с декабристами, Львов заметил: «Бесспорно, среди них были прекрасные люди, умные, образованные, но людей с выдающимися убеждениями и волею, с положительным характером и логикой я не встретил между ними»².

Львову возражал И.В. Ефимов – сибиряк, проведший детство в декабристской среде: «...не политических деятелей видели мы в них, а людей, которые тридцать лет сряду несли на наших глазах тяжелое наказание, несли спокойно, с достоинством и веруя в Промысел Божий»³. Особое значение приобретает ко-

---

¹ Таубе Н. Характеристика декабристов Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга // Русская старина. 1904. № 3. С. 577.

² Воспоминания А.Ф. Львова // Русский архив. 1884. № 6. С. 46.

³ Ефимов И.В. Заметки на воспоминания А.Ф. Львова // Русский архив. 1885. № 12. С. 556.

нечная ремарка Ефимова: «...мы и через полвека вспоминаем о них как о живых примерах всего доброго, чистого и прекрасного, и храним глубокую благородную память к этим добровольным изгнанникам»¹.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что авторы публикаций показывали «необычность» декабристов в самых обычных проявлениях повседневной жизни. Показывая «великое» в «малом», они культивировали нерушимую связь «героической» жизни участников декабристского движения до и после 1825 г.

Жители же Европейской России получали конкретное подтверждение того, что декабристы были готовы самоотверженно действовать на блага общества.

Не обошли своим вниманием вопросы пребывания декабристов в Сибири и представители различных общественно-политических течений, для которых история декабризма часто становилась, способом идейной борьбы.

Сибирская тематика присутствовала в декабристкой публицистики редакторов «Вольной русской типографии» – А.Н. Герцена и Н.П. Огарева.

Рассуждая о причинах разрыва иркутского общества с наместником Н.Н. Муравьевым-Амурским. Герцен отмечал, что в отличие от «навозных аристократов», которые наглыми нарушениями общественных приличий старались доказать свою привилегированность, иркутское общество на протяжении тридцати лет испытывало на себе «...влияние таких благородных личностей, какими были Декабристы, где благодаря этому влиянию общество привыкло ценить и уважать истинные доблести и действительные заслуги»².

Возвращение же декабристов из ссылки уподоблялось воскрешению Христа, дающего России еще один шанс нового, справедливого будущего.

Говоря об особенностях либерального взгляда на историю пребывания декабристов в Сибири, следует учитывать следующие обстоятельства. На всем протяжении рассматриваемого нами периода либералы пытались наладить взаимоотношения с властью для проведения реформ, однако не находили адекватного ответа. Поэтому, *образ декабриста – патриота несправедливо пострадавшие за свои убеждения*, был одним из самых востребованных в либеральной публицистике³. Это наглядно отображает рецензия на упомянутую книгу А.И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири».

При чтении рецензии создается впечатление, что рецензент хотел не столько дать оценку монографии, сколько настроить читателя на определенное ее восприятие. Основное внимание автор сосредоточил на тяжелом материальном положении декабристов. Перечислив в цифрах получаемое от казны денежное содержание, автор рецензии сделал вывод о том, что его явно было недостаточно⁴.

Большое внимание в рецензии было уделено фактам притеснения декабристов местными властями: «...оснований для доноса обыкновенно не было ника-

¹ Ефимов И.В. Заметки на воспоминания А.Ф. Львова // Русский архив. 1885. № 12. С. 564.

² Огарев Н.П. Иркутское общество // Колокол. Под суд. 1859. 15 ноября. Столб. 145.

³ См.: Васильева Е.Б. Образ декабриста на страницах либеральной прессы второй половины XIX – начала XX в. (на материалах журналов «Вестник Европы» и «Русское богатство») // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2008. С. 125–137.

⁴ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1896. № 2. С. 874.

ких, потому что, во-первых, ссыльным было не до того, чтобы предаваться какому-нибудь вольнодумию, во-вторых, в тех труппах, в которых они не редко жили среди дикого населения, не было для этого никакой почвы, но по доносам каждый раз начинались следствия...»¹.

Для консерваторов декабристы представляли собой людей, едва не погубивших Россию². Однако, при обсуждении сибирской темы в оценку декабристов были внесены некоторые коррективы.

Так в рецензии Т.И. Тихонова, на уже упоминавшуюся нами монографию А.И. Дмитриева-Мамонова, мы встречаем *образ декабриста как человека не падшего духом перед тяжелыми испытаниями*. По мнению автора, декабристы смогли найти адекватные формы реализации своим юношеским стремлениям: «В среде декабристов в Западной Сибири, – писал автор, – сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они жили в более счастливое время в России; в бедствиях ссылки, на поселении они оказались даже полезными местному сибирскому обществу, как и далекому и полудикому краю»³.

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание и появление неоднократно встречаемого нами *образа декабриста как просветителя сибирского общества* или, говоря словами автора, «оазисов просвещения»⁴.

В связи с этим интересно привести характеристику представителей движения народников, которые также отбывали каторгу в Сибири, но «...не обладают ни способностью, ни охотой к деятельности, необходимой для колонизатора и носителя культуры»⁵.

Вполне резонным является вопрос: чем же вызвано такое отношение к декабристам?

Можно предположить, что в основе такого изменения лежал чистый прагматизм, связанный с особенностями подхода консерваторов к решению вопроса о месте и роли дворянского сословия в политической и культурной жизни пореформенной России. В данном случае они отводили дворянству ведущую роль, считая его сосредоточением «умственных и нравственных сил общества», способным заниматься не только частными интересами, но и общественными делами.

В 1880-х гг., в период подготовки земской контрреформы, дворянская тема становится одной из ведущих в консервативной публицистике⁶. С учетом данного обстоятельства, вполне логичным кажется предложение о том, что позитивная роль, сыгранная декабристами (в массе своей являвшимися представителями дворянского сословия) в культурном развитии сибирского региона, их участие в подготовке крестьянской реформы, стали своего рода иллюстрацией обозначенной концепции.

---

¹ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1896. № 2. С. 874.

² См., например: Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1856; Кропотков Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874.

³ Тихонов Т.И. Декабристы в западной Сибири // Русский вестник. 1896. № 2. С. 151–152.

⁴ Там же.

⁵ Немцы о книге Кеннона // Русский вестник. 1894. № 1. С. 202.

⁶ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 165; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 218–219, 232–235.

Кроме того, можно отметить и наличие религиозных мотивов в интерпретации образа декабриста. *Образ декабриста как искупившего свои грехи и «принимавшего как дар посылаемые свыше испытания и разумеющие их как орудия к душевному усовершенствованию и спасению»*¹ был представлен в рецензии на мемуары А.П. Беляева. По мнению рецензента, в Сибири большинство декабристов «достигли духовного просвещения», а сами воспоминания автор сравнивал с религиозным произведением «Путешествие к святым местам инок Парфения».

Как представляется, в данном случае нашла свое отражение популярная в консервативных кругах теория о социальной ценности религии, посредством которой осужденные декабристы смогли вернуться к общественной жизни.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, несмотря на различные причины написания: личностных (воспоминания декабристов или современников), политических (статьи в общественно-политической литературе), источниковедческих (публикация официальной документации), образ декабриста, представленный в рассмотренных нами работах, был практически схож. Так, общим был образ просветителя Сибири, образ декабриста как человека не падшего духом перед тяжелыми испытаниями.

Во-вторых, занимая одно из центральных мест в «декабристоведении», а зачастую и становясь единственной, тема «Декабристы в Сибири» способствовала конструированию общего образа декабриста-героя.

Вместе с тем, очевидно, что сибирская декабристская тематика воспринималась как часть декабризма, а, следовательно, «героико-нравственный» посыл переписывался и на движение в целом.

---

¹ *Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом А. Беляева. 1805–1850 // Русский вестник. 1882. № 6. С. 904.*